

## НЕБЛАГОДАРНЫЕ

Южная окраина города Н. состоит, в основном, из частных домов, населённых самыми разными людьми. Кого тут только нет! Бородастый цыган соседствует со смуглым азербайджанцем; ветхая старушка-огородница – с молодым, щекастым предпринимателем, устроившим на своём дворе авторемонтную мастерскую; тучный православный поп, живущий в завидном довольстве со своей попадѣй и дюжиной ребятишек, делит один забор с худосочным, желчным пятидесятилетником, убеждённым холостяком и аскетом.

Где-нибудь в другом месте подобные контрасты могли бы оказаться непримиримыми, обернуться ссорами, конфликтами. Но только не здесь. Внешние различия здешних обитателей сполна компенсируются схожестью их характеров, склонных к умеренности, консерватизму и неприятию всякого рода суесть. Этим людям присуща удивительная способность сохранять незыблемое равновесие, балансируя где-то посередине между всеми крайностями, которые только можно себе вообразить. Они, как будто бы, не сельские жители, но и не горожане, не бедны, но и не богаты, одеваются не то, чтобы плохо, но и не хорошо, словом, ведут простой, спокойный образ жизни, не возбуждающий ничьей зависти или осуждения.

Все они называют свой пригород не иначе, как «посёлком». Все недолюбливают чужаков, особенно дачников, за их привычку сажать цветы вместо картошки, держать маленьких, злых собачонок, а не добрых, лохматых волкодавов, наводящих ужас разве что на бестолковое куриное население, но главным образом – за крайнюю, ничем не оправданную расточительность. Поселковые с презрением относятся к роскоши. Их коробит при виде высоких, крашенных заборов с калитками, висящими на смазанных петлях. Им режут глаза блестящие крыши, венчающие просторные двухэтажные особняки. А чего стоят флюгеры в виде чёрных кошек или единорогов, чугунные фонари у ворот, почтовые ящики, беседки, фонтаны! Все эти излишества и никчёмности порождают в них недоумение, граничащее со снисходительной жалостью к жертвам мелочного тщеславия.

Как бы то ни было, приезжих в посёлке становится всё больше. То здесь, то там выпрыгивают, как будто из-под земли, их нарядные теремки, тесня угрюмые деревянные домишки, дощатые будки, вагончики и ларьки непонятного назначения, убогие коробкообразные сооружения из гофрированного железа, ржавые металлические гаражи и облупленные голубятни. Вряд ли найдётся теперь в посёлке хотя бы

одна улица, не носящая следов вторжения тех или иных инородных элементов, Впрочем, пока ещё слишком малочисленных для того, чтобы кардинально изменить облик всего района, придав ему налёт некоторой респектабельности.

Одним из последних нетронутых уголков первобытного захолустья остаётся Рябиновый переулок. Даже крупные застройщики – народ ушлый, корыстный и подчёркнуто равнодушный ко всякого рода нематериальным ценностям вроде красоты, гармонии или удобства будущих жильцов, пока что обходят его стороной. Причин тому, по меньшей мере, три. Во-первых, переулок этот – вовсе не переулок, так как никуда не ведёт и заканчивается тупиком. Во-вторых, в конце тупика, закрывая полнеба, возвышается большая водонапорная башня, покрытая рыжими подтёками ржавчины и белёсыми пятнами птичьего помёта. Пустырь, окружающий башню, завален всевозможным хламом: обрезками магистральных труб, останками автомобилей, гигантскими катушками алюминиевой проволоки и прочей дрянью, весьма живописной с точки зрения поклонника постмодернизма, но совершенно непривлекательной на взгляд рядового обывателя. В-третьих, слева от дороги, ведущей в тупик, среди зарослей полыни и лебеды, прячется старый пожарный пруд, давным-давно не чищенный, залившийся и источающий гнилостное зловоние, особенно осязаемое в жаркие летние месяцы.

В самом конце переулка, в тупике, на отшибе, проживает коренной житель посёлка Иван Петрович Охапкин. Дом у Ивана Петровича худой, облезлый, на серой штукатурке заметны пятна выцветшей копоти – следы пожара, случившегося два года тому назад. Благодаря своевременному вмешательству пожарных дом уцелел, но огонь успел поглотить деревянный сарай, крышу курятника и половину дощатого забора. К чести хозяина следует сказать, что он не пал духом. Не прошло и полутора лет, как тщаниями Ивана Петровича курятник обрёл новую крышу, сделанную из слежавшейся кухонной клеёнки, брошенной сверху и прижатой к земле силикатными кирпичами, позаимствованными с одной из окрестных строек.

Широкую прореху в сгоревшем заборе теперь закрывает ограда из алюминиевой проволоки, натянутой промеж железных столбов, уцелевших при пожаре. Плетение нельзя назвать искусным: горизонтальные куски проволоки провисают, топорщатся и нигде не идут параллельно поверхности земли. Вертикальные отрезки расположены и того хуже, без всякого порядка или симметрии, так что в иных местах

расстояние между ними составляет пять сантиметров, а в других – все пятьдесят. Но Иван Петрович благоразумно полагает, что в качестве временного сооружения такая изгородь вполне сойдёт, а пока он готов мириться с эстетическими изъянами своего парадного плетня. Что же касается сарая, то его восстановление пока ещё только планируется в какой-то отдалённой, весьма туманной перспективе.

Иван Петрович – холостяк. В молодости он был женат и изведал все прелести и волнения, связанные с браком. Семейная жизнь продолжалась лет десять и закончилась длинной чередой тягостных ссор. Когда жена окончательно махнула на него рукой и ушла, хлопнув дверью так, что из стены над наличником вывалился большой кусок штукатурки, Иван Петрович испытал невыразимое облегчение. С тех пор он живёт один и не тужит, а если изредка заскучает по жене, то памятная дыра в стене сейчас же напомнит ему об их бурном расставании. Взглянет он на дыру и опять, как много лет назад, радуется обрётённой свободе.

Внешность Ивана Петровича – под стать его дому, неказистая, но жить с ней можно, и даже довольно приятно. В прежние времена он работал где-то в городе, а выйдя на пенсию, сделался хозяином, то есть завёл кур и гусей, устроил у себя во дворе огород и приютил лохматую бродячую собаку – существо доброе и весёлое, с хитрыми глазами и свёрнутым в крендель хвостом. Чем он занимается целыми днями – никому не известно. Чаще всего его можно встретить у маленького магазинчика, куда ходят за хлебом и сплетнями самые консервативные жители посёлка, не имеющие привычки ездить за продуктами в гипермаркеты, расположенные «у чёрта на куличках, за тридевять земель».

Однажды, тёплым июльским деньком, после обеда, Иван Петрович вышел во двор. В руках у него было старое клетчатое покрывало. Расстелив покрывало на земле, поблизости от грядки с луком, разбитой в тени старого тополя, он прилёг на него и собирался уже подремать, как вдруг тишина взорвалась шумной дракой, завязавшейся между галками и воронами. Побоище происходило прямо над его головой. Галок было больше, но пара нахальных серых ворон брала не числом, а хитростью, так что в течение долгого времени судьба битвы висела на волоске. Увлечённый сражением, Иван Петрович не сразу услышал, как кто-то зовёт его с другой стороны плетня. Опустив глаза, он уткнулся взглядом в толстый живот, обтянутый белоснежной рубашкой. Посередине живота, сверху вниз, тянулся длинный узкий галстук,

украшенный элегантно переплетёнными серыми и белыми полосами. Живот, рубашка и галстук принадлежали мужчине лет сорока, полному, рослому субъекту, смотревшему на Ивана Петровича с каким-то непередаваемо кислым выражением лица.

– Здравствуйте! – вежливо начал мужчина, изобразив губами некое подобие улыбки. – Скажите, нет ли у вас домкрата?

– Нет, чего-чего, а домкрата не имеется, – ответил Иван Петрович, вскакивая с покрывала в предвкушении неожиданного развлечения: незнакомые люди редко заглядывали в его тупик.

– Колесо спускает! – пожаловался мужчина. – Надо бы заменить, а приподнять нечем. Ума не приложу, куда подевался этот домкрат!

– Машину-то, небось, недавно купили? – спросил Иван Петрович, приблизившись к ограде. На дороге, рядом с забором, стоял новенький, тёмно-серый седан, сверкавший полированным лаком.

– Недавно.

– В салоне, у дилера брали?

– В салоне.

– Жулики они все в этих салонах. Нарочно не положили домкрат, – авторитетно заявил Иван Петрович, как будто и сам не однажды страдал от мошенничества автомобильных дилеров. В действительности же он имел о них довольно смутное представление.

Солидной, неспешной походкой знатока он вышел за ограду, тщательно осмотрел автомобиль, обошёл его вокруг, ощупал по очереди каждую шину. Действительно, переднее колесо со стороны пассажира было спущено, хотя и не до конца: край обода ещё не касался земли.

Пока Иван Петрович разглядывал колесо, кряхтел, вздыхал и чесал в затылке, из машины вышла женщина, по-видимому, супруга незадачливого автовладельца. Она была ещё полнее и крупнее своего мужа. На ней было яркое, цветастое платье, на носу – очки в старомодной роговой оправе. Её лицо выражало плохо скрытое раздражение.

– Ну что там, Лёня? – спросила дама капризным тоном.

– Ничего, Машенька, ничего, – заискивающе пролепетал толстый Лёня. – Скоро поедем! Вот только найду домкрат, и сразу же! – Так, значит, вы нам не поможете? – ещё раз уточнил он, обратившись к Ивану Петровичу.

– Как же не помочь? Обязательно помогу! – ответил тот, отрываясь от созерцания спущенного колеса.

– Правда? – обрадовался толстяк.

– Всенепременно! – подтвердил Иван Петрович. – Подождите-ка здесь.

Он убежал во двор и вернулся оттуда с четырьмя кирпичами, которые нёс за пазухой на манер пожилого кенгуру, завернув их спереди в полы своей синей рабочей куртки. На спине куртки красовалась крупная белая надпись: «Водоканал». Сложив кирпичи стопочкой, он снова исчез куда-то и возвратился с длинной, толстой доской.

– Сделаем так! – предложил Иван Петрович. – Положим середину доски на кирпичи, один конец просунем под порог машины, а вы вдвоём встанете с другой стороны. В каждом из вас, наверно, килограммов по сто двадцать будет, так что для вас это дело пустяковое. Приподнимете порог, вроде как на качелях, а я быстренько подложу под него пару кирпичей, и меняйте тогда своё колесо!

– А порог не помнётся? – с сомнением спросил недоверчивый толстяк.

– Не помнётся! – уверил его Иван Петрович, прилаживая доску. – Не успеет! Мы быстренько: раз, два – и готово!

– Я на эту доску не полезу! – категорически заявила Машенька. – Я вам не гиря. И вешу я, между прочим, вовсе не сто двадцать килограммов!

– Ну, перестань! – успокаивал её муж. – Чем быстрее мы с этим покончим, тем раньше уедем отсюда!

Но Машенька оставалась непреклонной и ни в какую не желала служить противовесом для импровизированного домкрата. Вздыхнув, Лёня полез на доску один. Иван Петрович опустился на колени, придвинулся к колесу и замер в ожидании с кирпичом в руках. Сквозь плетень на улицу высунулись головы гусей, собравшихся посмотреть, отчего возник весь этот непонятный переполох. Гусь – птица любопытная. Все напряжённо ждали, когда нога человека ступит на доску и изобретательный разум в очередной раз возобладает над инертной материей. Но случилось так, что на сей раз материя возоблала над разумом. Прелая доска, много лет пролежавшая под открытым небом, под дождём и снегом, не выдержала, переломилась пополам, и ошарашенный Лёня полетел вниз, грохнулся спиной на проволочный плетень, подмял его и распугал столпившихся гусей. Птицы заметались, загоготали, подняли невероятный шум. Самый крупный гусь расправил крылья, вытянул шею, издал воинственный клич и бросился на улицу, протопав своими плоскими лапами по лицу, животу и ногам поверженного толстяка. Почувствовав свободу, вслед за вожакom

устремилась вся стая, при этом каждый следующий гусь использовал Лёнин живот в качестве трамплина.

Увидев толпу гусей, несущихся в её сторону, Машенька взвизгнула, повернулась и, не помня себя от ужаса, бросилась наутёк. Её пронзительный визг смешался с триумфальным гоготом гусей, руганью Лёни и радостным лаем дворняги, примчавшейся со двора. Разрозненные звуки соединились в душераздирающую какофонию. Подгоняемая этим невыразимым шумом, Машенька, подобно обезумевшему гиппопотаму, с треском продралась сквозь низенькие кусты и шлёпнулась в пруд, до краёв наполненный липкой грязью. Брызги полетели в одну сторону, лягушки – в другую, а роговые очки, свалившиеся с носа Машеньки, плюхнулись в жидкий ил и пропали в нём навсегда.

Удивлённый внезапной сумятицей, Иван Петрович выпрямился и застыл на месте. На его добродушном лице всплыло и закрепилось выражение искреннего недоумения. Он стоял не двигаясь, приоткрыв рот. В его правой руке был зажат силикатный кирпич.

Предоставленный самому себе, Лёня неуклюже барахтался на земле, пытаясь отцепить рубашку от острого куска проволоки, торчавшего из смятой изгороди. Раздался треск разрываемой ткани. Толстяк поднялся и огляделся вокруг. На его высоком, лысоватом лбу ясно отпечатался след гусиной лапы. На спине испачканной рубашки зияла прореха, из-под которой виднелась бледная кожа, покрытая редкими бесцветными волосами.

– Маша! – крикнул он, – ты где?

Откуда-то из-за кустов, выстроившихся вдоль противоположной стороны дороги, до него донеслись приглушённые вопли. Лёня вопросительно посмотрел на Ивана Петровича, который пожал плечами и развёл одной рукой, не занятой кирпичом. Не без труда преодолев сковавшее его оцепенение, Иван Петрович небрежно швырнул кирпич на землю, отчего тот раскололся пополам, и направился к пруду. Вслед за ним пошёл и Лёня, судорожно сжимавший и разжимавший кулаки, чтобы хоть немного успокоиться и прийти в себя.

На берегу пруда их ждало необыкновенное зрелище: Машенька, с ног до головы перемазанная жидкой грязью, ползала по заиленному дну водоёма. Всё её тело, включая лицо и волосы, было тёмно-серым, только на спине всё ещё продолжали сиять яркие цветы, украшавшие её платье. Создавалось впечатление, будто в грязном пруду медленно плавает маленький цветочный островок.

– Маша! Что с тобой? Вылезай оттуда! – закричал опешивший Лёня.

– Не ори! – ответила Машенька, даже не взглянув в его сторону. – Помог бы лучше, чем разглагольствовать!

Лёня стащил ботинки, носки и брюки, оставшись в рубашке, галстук и трусах. Сморщив особенно кислую гримасу, он зашёл в пруд, приблизился к жене и попытался приподнять её, чтобы вынести на берег.

– Что ты делаешь? – завопила Машенька, вырываясь из его рук.

– Помогаю, – ответил Лёня.

– Как же, дождёшься от тебя помощи! Ну что ты топчешься, как слон? Я очки обронила, а ты их, наверно, уже раздавил!

– Да брось ты свои очки! Купим новые!

– Вот ещё! Теперь таких оправ уже не найдёшь! Теперь не оправы делают, а амбразуры с ушками! Пусти меня!

Но Лёня не обращал внимания на её протесты. Он снова схватил жену за руку и чуть ли не силой выволок её на берег пруда. Оказавшись на суше, оба остановились, чтобы перевести дух и очиститься от грязи. Но не тут-то было: чёрный, лоснящийся ил не желал стряхиваться, соскабливаться или стираться, смыть же его было нечем. Грязь облепила босые ноги Лёни. Издали могло показаться, что на нём надеты плотные гольфы, доходившие ему до колен. На сером лице Машеньки яростно блестели близорукие глаза, свирепо смотревшие сквозь завесу из перепутанных, пропитанных илом локонов, спадавших на её испачканный лоб.

– Вам бы того, помыться... – робко сказал Иван Петрович, с интересом разглядывавший двух грязных толстяков, вылезших из пруда. Его сочувствие было воспринято в штыки.

– А вам какое дело! – закричала Машенька, выплёскивая на Ивана Петровича щедрую порцию своего, по-видимому, неистощимого запаса раздражения. – Мы сами знаем, что нам делать! Обойдёмся без ваших советов! – вопила она.

Дождавшись краткого перерыва в её тираде, Лёня умудрился вставить несколько слов в защиту благоразумия:

– А ведь и правда, надо бы вымыться, – сказал он осторожно, внутренне готовясь к новому словесному залпу своей супруги. Но та только махнула рукой и прорычала что-то сквозь стиснутые зубы.

– Скажите, нет ли у вас ванны или душа с горячей водой? – продолжал ободрённый Лёня, оборачиваясь к Ивану Петровичу.

– Есть, как не быть! – отвечал тот.

– Вот ещё! – снова завопила Машенька. – Не пойду я мыться в его ванну! Да ты посмотри на него только – этакий неряха! У него в ванной наверно такая грязь, что там только ужей нет!

– Ужей и правда нет, – подтвердил Иван Петрович, задумавшийся и не расслышавший начала фразы.

– Ну, хорошо. А не могли бы вы, по крайней мере, вынести нам ведро горячей воды и мыло? – попросил Лёня.

– Это я сейчас, мигом! Ждите меня у машины! – ответил Иван Петрович и помчался домой.

Вбежав на кухню, он поставил совершенно новое, практически не ржавое жестяное ведро под кран с горячей водой, а сам бросился искать мыло. И тут же вспомнил, что мыла-то у него и не было: он уже две недели забывал купить его, когда ходил в магазин. В шкафу под раковиной, там, где обычно хранились старые обмылки, тоже было пусто. Иван Петрович заглянул во все тёмные углы на кухне, в ванной, в прихожей – безрезультатно. Напоследок он пошарил рукой под диваном в гостиной, где иногда оказывались разные, порой самые неожиданные предметы. И в самом деле, среди никчёмного хлама и мусора его пальцы нащупали что-то квадратное. Не смея верить своей удаче, Иван Петрович извлёк на свет пыльный кирпичик, оказавшийся куском старого дегтярного мыла, купленного года три тому назад для мытья дворняги, подозревавшейся в наличии блох. Мытьё тогда так и не состоялось, а мыло таинственным образом переместилось под диван, где и лежало с тех пор, обёрнутое куском пожелтевшей газеты и покрытое толстым слоем пыли.

– Сойдёт! – произнёс Иван Петрович, отчищая кухонным ножом прилипшую к мылу бумагу. Закончив скоблить, он взял ведро, наполненное горячей водой, и вышел на улицу.

Лёня и Машенька уныло дожидались его стоя возле своей машины. Переднее колесо окончательно спустило, так что ехать теперь было совершенно невозможно.

– Вот вода, а вот и мыло! – торжествующе заявил Иван Петрович.

– Вас только за смертью посылать! – огрызнулась Машенька. Высказав, таким образом, своё неодобрение медлительности Ивана Петровича, она тотчас начала руководить процессом своего омовения:

– Лёня! Ну что ты стоишь! Бери ведро, лей воду мне на голову! Понемножку лей, не всё сразу! Давай сюда мыло! Где оно? Да в руку мне давай, видишь же, что у меня глаза закрыты!



Она схватила мыло и начала намыливать голову, потом остановилась, чихнула, выпрямилась, чихнула ещё раз, и тихим, зловещим голосом спросила:

– Что это такое? Это что, дегтярное мыло?

– Другого не было. Я подумал: авось, сойдёт... – промямлил Иван Петрович.

– Да как сойдёт, изверг вы этакий! – Она чихнула несколько раз кряду и начала говорить несколько в нос. – У меня, кажется, начинается аллергия! Лёня, смывай с меня скорее эту гадость!

Лёня вылил на голову Машеньки целое ведро воды, но это не помогло. Она стояла посреди дороги, мокрая и грязная, тёрла глаза, чихала и не могла остановиться.

– Надо поскорее смыть этот аллерген! – взволнованно сказал Лёня, протягивая Ивану Петровичу пустое ведро. – И пожалуйста, принесите какое-нибудь другое мыло, или, ещё лучше, шампунь!

Ивану Петровичу ничего не оставалось, как отправиться на поиски шампуня, которого у него, разумеется, не было. Войдя в кухню, он неожиданно вспомнил про пачку стирального порошка, хранившуюся в стенном шкафу вместе с широченными охотничьими лыжами, пустыми стеклянными банками, сломанным ламповым радиоприёмником времён Хрущёвской оттепели, изношенными ботинками и тому подобным хламом. Когда-то, много лет тому назад, в период всеобщего дефицита, он получил этот порошок в магазине, в нагрузку к набору, состоявшему из банки сливового компота и пачки краснодарского риса.

Открыв дверцу шкафа, Иван Петрович привычным движением руки поймал лыжные палки, всякий раз норовившие вывалиться наружу и ударить его по носу. Поставив палки на место, он просунул руку за деревянный, полированный бок радиоприёмника и извлёк из самого дальнего угла пачку стирального порошка «Эра», изготовленного в Ленинграде тридцать лет назад, в 1987 году. От долгого лежания в шкафу порошок отвердел, сделался как будто каменным, но всё ещё сохранял характерный, слегка ядовитый запах химических ароматизаторов.

Иван Петрович разрезал ножом выцветшую картонную упаковку, вытряхнул на стол слежавшийся брикет, попробовал отломить от него кусочек порошка. Брикет не поддавался. Он упрямо сохранял свою целостность, невзирая на попытки переломить его через колено, разбить о край стола или растоптать ногами. Видя тщетность своих по-

пытках, Иван Петрович вознегодовал. Он схватил порошок и в сердцах швырнул его об стену. В воздух поднялось облачко белой пыли, брызнули в стороны мелкие осколки, брикет рассыпался на несколько частей.

В дальнейшем, тёмном углу кухни, на табурете, с прошлой осени стояла пустая деревянная кадка для засолки капусты. Иван Петрович вынул из неё трёхкилограммовую гантель, некогда служившую грузом, растолок ею самый маленький из отколовшихся кусочков брикета, сложил порошок в стакан, залил горячей водой из-под крана и тщательно перемешал указательным пальцем. С этим-то стаканом, наполненным мутноватой жижей, он и появился на дороге как раз вовремя, чтобы стать свидетелем оживлённой сцены, происходившей возле автомобиля.

А дело было вот как. Во время долгого отсутствия Ивана Петровича Машенька решила обсушиться на солнце, в надежде, что высохшая грязь как-нибудь сама отвалится от её тела и, может быть, даже вычесется из волос. Она повернула лицо в сторону небесного светила, зажмурилась, наслаждаясь его теплом, и бог весть для чего расставила в стороны свои пухленькие руки.

В этот момент мимо неё пробежала чёрная дворняга. Ей давно уже наскучило носиться за разбежавшимися гусями, поэтому она решила поискать новых приключений на свою блохастую голову. А где же их искать, если не подле людей, нарочно созданных природой чтобы служить источником и причиной большинства собачьих радостей? Завидев Машеньку, стоявшую с распростёртыми руками, собака приняла эту странную позу за приглашение попрыгать, порезвиться и полаять во всю глотку, словом, выразить всю полноту охватившего её энтузиазма. Она принялась скакать, стараясь дотянуться холодным носом до ладоней Машеньки, издавая то восторженный визг, то короткое, отрывистое тьяканье.

К несчастью, игры подобного рода были незнакомы Машеньке, которая терпеть не могла животных, в особенности – собак.

– Лёня! – заверещала она, неуклюже уклоняясь от прыгающей дворняги. – Прогони её! Прогони сейчас же!

Расстроенный Лёня с понурым видом сидел на стопке кирпичей, оставшихся после неудачной попытки заменить колесо. Услышав крики жены, сопровождавшиеся визгом, рычанием и лаем, он вскочил, подбежал к Машеньке и начал носиться вокруг неё, стараясь отогнать распоясавшуюся собаку.

Увидев, что в игру включился второй человек, дворняга ещё более воодушевилась. Её прыжки сделались такими высокими, что она едва не касалась своей разинутой пастью Машенькиного носа.

– Что ты делаешь! – завопила Машенька. – Камень! Возьми камень!

Лёня схватил с земли круглый булыжник, размахнулся и запустил им в собаку. Гладкий камень выскользнул из его потной руки, описал в воздухе красивую параболу и ударился о закрытое стекло задней двери автомобиля. Посыпались мелкие осколки, поскакали по пыльной дороге. В стекле образовалась большая, круглая дыра.

– У-у! – взвыл раздосадованный Лёня. Он ударил ладонями по своим волосатым коленям, подпрыгнул, махнул рукой, оглянулся вокруг в поисках проклятой собаки, которую в эту минуту готов был задушить голыми руками. Но дворняга, уловившая перемену в настроении людей, не стала дожидаться экзекуции, нырнула в кусты и была такова.

Лёня зарычал, потом открыл рот с тем, чтобы потрясти основы мироздания каким-нибудь неслыханным, замысловатым ругательством, но не успел: на его плечо мягко легла рука Ивана Петровича.

– Что? – встрепенулся Лёня, ожидая нового удара судьбы.

– Мыло. Шампунь, – вкрадчиво произнёс Иван Петрович, протягивая ему стакан.

– А, давайте! – При воспоминании о жене ярость Лёни начала опадать столь же быстро, как стенки воздушного шара, не завязанного ниткой.

– А за машинку не беспокойтесь! – великодушно промолвил Иван Петрович. – Сейчас мы всё мигом поправим!

Он снова сбегал домой и вынес обрывок прозрачной плёнки от парника, моток красной изоленды и ножницы. Вырезав из плёнки неровный прямоугольник, Иван Петрович принялся деловито приклеивать его к двери на место разбитого стекла. Изоленды он не жалел, клеил вдоль и поперёк, так что вскоре стало казаться, будто задняя дверь машины свирепо ощерилась неровными красными зубами.

Его труды были прерваны очередным воплем Машеньки. Спрятав изоленду в боковой карман, Иван Петрович поспешил на помощь, оставив заднюю дверь машины нараспашку.

– Воды! Мне нужно ещё воды! – стонала Машенька, с трудом подавляя всхлипы, грозившие перерасти в настоящие рыдания. Её волосы, помимо грязи, были густо облеплены ошмётками стирального порошка. Вопреки стараниям Ивана Петровича, куски брикета раство-

рились не полностью, а лишь отчасти. Когда рассеянный Лёня вылил раствор на голову своей жены, размякшие комочки просыпались на волосы и тотчас прилипли к ним, превратившись в склизкие беловатые хлопья.

– Пойдёмте-ка лучше ко мне на кухню, промоете голову под красном! – предложил Иван Петрович. Но Машенька отказалась наотрез, и ему опять пришлось бежать за водой, громыхая пустым жестяным ведром.

Не успел он удалиться, как из кустов показалась хитрая собачья морда. Дворняга понюхала воздух, вильнула хвостом, крадучись, короткими перебежками добралась до машины и запрыгнула в открытую дверь. Внутри, на заднем сидении, стояла сумка с продуктами. Среди прочего, в ней хранился бумажный пакет с жареной курицей, тёплой, совсем недавно вынутой из духовки и источавшей соблазнительнейший аромат. Дворняга засунула морду в сумку, вытащила курицу и начала поедать её вместе с костями и бумагой. При этом она не стеснялась, громко чавкала на всю улицу и урчала от удовольствия.

Вскоре подозрительное чавканье достигло ушей Лёни. Он подбежал к задней двери и увидел дворнягу, разлёгшуюся на безукоризненно чистом бежевом сидении с жирной курицей в зубах.

В глазах собаки мелькнуло удивление, смешанное с досадой. Она слегка повиляла хвостом, прижала уши, выражая своё дружелюбное расположение. Но Лёня отнюдь не испытывал ответной приязни к четвероногому другу человека. Он издал дикий вопль, нырнул в машину и вцепился руками в недоеденную курицу, пытаясь вырвать её из собачьих зубов. Собака опешила от неожиданности, инстинктивно сжала зубы и тихонечко зарычала. Несколько секунд они тянули курицу в разные стороны. Потом пакет треснул. Каждый остался со своей частью куриной тушки.

Возникла пауза, во время которой Лёня с удивлением разглядывал грубо раздавленный окорочок, зажатый в его кулаке. Воспользовавшись кратким перерывом в конфронтации, собака принялась поспешно доедать доставшиеся ей спинку и крылышки. Столь неслыханная наглость стала последней каплей, переполнившей чашу терпения и без того раздражённого Лёни. Он отшвырнул окорочок и хотел наброситься на собаку, но та спокойно, деловито и, в общем-то, совсем не сильно тяпнула его за указательный палец правой руки. Лёня взревел от ярости. Он захлопнул дверь и стал носиться по улице в поисках палки. На глаза ему попались вилы, торчавшие из земли в ого-

роде у Ивана Петровича. Дрожащими руками он вытащил их из грядки и решительно направился в сторону машины, намереваясь жестоко отомстить зарвавшейся дворняге.

Между тем, собака была далеко не так глупа, как казалась. Она вообще не собиралась ожидать возмездия, сидя в запертой машине. Проткнув морду в разбитое окно, она окончательно оторвала и без того наполовину отвалившуюся плёнку, выставила наружу передние лапы, оттолкнулась задними, оставив длинные, грязные следы на бежевом сидении, прыгнула и свалилась на спину возле машины, показав своё белое брюхо, до странности удачно сочетавшееся с её чёрными боками и спиной.

В этот момент из-за багажника автомобиля показался Лёня, вооружённый вилами. Он увидел врага на воле, и свет разума померк в его голове. Враг дразнил его! Враг нагло валялся в развязной позе, кверху брюхом, набитым сожранной курицей!

Лёня метнулся к собаке, намереваясь проткнуть её вилами, но не рассчитал ускорения, порождённого его собственной массой, поскользнулся на мокрой, мыльной земле, упал и проехался на животе, остановившись только после того, как заржавленные вилы вонзились в переднее колесо машины и застряли в нём. Колесо зашипело. Через несколько секунд обе передние шины были спущены. А в багажнике, как водится, имелось столько одно запасное колесо.

Толстяк застонал, сел, обхватил голову руками и предался отчаянию. В таком состоянии его и застал Иван Петрович, возвращавшийся не с одним, а сразу с двумя вёдрами горячей воды.

– Что такое? Что там происходит? – кричала позабытая всеми Машенька, напрасно шутившая близорукие глаза в попытке разглядеть причину очередного переполоха. Она смутно различала мужа, сидевшего на земле, слышала его сдавленные стоны, но не решалась приблизиться к нему. Без очков она сделалась совершенно беспомощной.

– Ничего! Ничего страшного! – обречённо промычал Лёня, не отнимая холодных рук от пылающих ушей.

Иван Петрович мгновенно оценил ситуацию, прикинул что-то в своём практическом уме, поставил вёдра на землю, присел подле Лёни и заговорил ему на ухо быстрым, срывающимся шёпотом:

– Ничего страшного! Сейчас я мигом сбегу в посёлок, к деду Ерофею, попрошу у него домкрат. Снимем колёса, погрузим их в его «шестёрку», отвезём в шиномонтаж. Через час-полтора будут как новые!

– Да что же ты...! – закричал Лёня, но, оглянувшись в сторону жены, осёкся и продолжал шёпотом: – Что ж ты раньше к нему не сбегал?

– Чего-то в голову не пришло, – объяснил Иван Петрович. – В общем, я побежал, а вы тут пока отмывайтесь. Одна нога здесь, другая – там! – Сказал и исчез.

Через полчаса гайки на передних колёсах были откручены, а сами колёса сняты и сложены на обочину. Ждали деда Ерофея, заводившего «шестёрку» при помощи ключа, отвёртки и языческих заклинаний, состоявших из ласковых уговоров с вкраплением ядрёных словечек армейского образца.

Иван Петрович ещё дважды бегал за водой. В результате внешний вид Машеньки несколько улучшился: её лицо больше не было чёрным, но поскольку уши и шея всё ещё сохраняли тёмно-серый цвет, белизна лица придавала ему некоторое сходство с круглой восточной маской.

– Лёня! Принеси мне зеркало из сумочки! – потребовала Машенька, закончив омовения.

Лёня побрёл к машине, открыл пассажирскую дверь, нашёл сумочку и принялся рыться в ней своими толстыми, грязными пальцами, покрытыми солидолом, которым был густо смазан допотопный домкрат деда Ерофея.

– Ну, что ты там копаешься?

– Не могу найти!

– Что за наказание! Неси сюда всю сумку!

Лёня принёс сумку, но и Машеньке сослепу не удалось отыскать в ней зеркальце.

– Что за чертовщина! – возмутилась она. – Отведи меня к машине.

Лёня осторожно подвёл её к автомобилю.

– Вот, дорогая, посмотришь в боковое зеркало! – предложил он.

Но Машенька, уставшая стоять на ногах, не удостоила его ответом. Она ощупала рукой пассажирское сидение и с довольным видом плюхнулась в него. Машина содрогнулась. Стопки кирпичей, подложенные под передние колёса, поехали вперёд, рассыпались, автомобиль накренился, повисел секунду-другую в ненадёжном равновесии и с грохотом рухнул носом вперёд. С громким хрустом отломился и отскочил передний бампер.

– Лёня! – пискнула Машенька изнутри кабины. Но муж не слышал её. Он стоял перед носом машины, смотрел на отскочивший бампер,

раскачивался взад и вперёд, кусал губы и издавал нечленораздельное мычание.

Только подоспевший Иван Петрович не растерялся.

– Не беда! – воскликнул он, с ходу трезво оценив масштабы ущерба. – Сейчас мигом всё исправим! – И поспешил домой.

Через несколько минут он показался на дороге с дрелью в руках. Вслед за ним тащился длинный хвост электрического кабеля.

– Что это такое? – возопил Лёня, увидев дрель.

– Ничего особенного, – успокоил его Иван Петрович, наматывая изоленту на указательный палец правой руки. – Просто дрель. Сейчас просверлим пару дырок в бампере, прикрутим его на место, будет как новый!

Услыхав такие слова, Лёня бросился к Ивану Петровичу и довольно грубо выхватил у него дрель. При этом он не учёл одно немаловажное обстоятельство: на дрели не было кнопки, приводившей её в действие. Хлипкая пластмассовая кнопочка отвалилась много лет назад, поэтому Иван Петрович включал дрель нетрадиционным способом: он попросту замыкал пальцем проводки, выведенные наружу. Именно для этого ему приходилось обматывать указательный палец изоляционной лентой.

Лёня, конечно же, не догадывался об особенностях устройства дрели. Он без всякого опасения стоял босыми ногами на мокрой земле, пропитанной мыльной водой, сжимая в руках электрический прибор с оголёнными проводами. Как и следовало ожидать, добром это не кончилось. Брызнул крошечный снопик оранжевых искр. Запахло палёной кожей. Толстяк покачнулся, щёлкнул зубами, медленно опустился на колени, упал на землю и остался лежать на ней с выпученными глазами и разинутым ртом.

В первый раз за весь этот суматошный день Иван Петрович потерял самообладание. Схватив ведро, валявшееся на обочине дороги, он помчался к пруду, зачерпнул с поверхности жидковатой грязи, вернулся к машине и окатил неподвижного Лёню с ног до головы. Тот сразу же очнулся, резко вдохнул, сел, осмотрелся по сторонам, и тут заметил Ивана Петровича, стоявшего над ним с пустым ведром. На Лёнином лице возникла странная гримаса, более всего походившая на выражение неподдельного ужаса. Он отпрянул в сторону и закрылся руками, словно защищаясь от какой-то неминуемой угрозы.

У Ивана Петровича отлегло от сердца.

– Не хотите воды, или, может быть, лучше водочки? – спросил он.

Но Лёня, по-видимому, не желал ни того, ни другого. Он вскочил, покачиваясь, добрёл до водительской двери, забрался в машину и запер все замки. Грязные, измучанные супруги безмолвно взглянули друг на друга. Машенька была похожа на полудикого африканского аборигена, каковому сходству крайне способствовали чёрная шея и растрёпанные волосы, местами стоявшие дыбом, местами слипшиеся в неряшливые пучки. С живота Лёни стекала и капала на сиденье жидкая грязь. Салон медленно пропитывался запахом болотной тины.

Лёня потянулся за своим телефоном, лежавшим в бардачке, чтобы вызвать эвакуатор. Но тут в разбитое окно задней двери просунулась голова Ивана Петровича и, улыбаясь, предложила:

– А то могу и сливовой поднести!

Машенька взвизгнула. Лёня замычал и замахал на него руками.

– Ну, как хотите! – сказал слегка обиженный Иван Петрович.

«Всё-таки очень бестолковый народ, эти городские, – добавил он про себя, возвращаясь к грядке с луком, где было расстелено клетчатое покрывало. – Неблагодарные!»

Он улёгся на солнышке, задремал и не слышал, как приезжал эвакуатор и увёз машину, а вместе с ней Лёню и Машеньку, в неизвестном направлении.

Только к вечеру он вспомнил, что надо бы пойти собрать разбежавшихся гусей.

*Апрель 2016.*